

Алексѣй Михайловичъ.

Воспитаніе. Алексѣя Михайловича еще съ дѣтства готовили къ царскому званію и давали соотвѣтствующее воспитаніе. Дѣдушка его, патріархъ Филаретъ, приказалъ своему дьяку нарочно для царевича составить букварь, и когда царевичу пошелъ 6-й годъ, приказный дьякъ сталъ учить его грамотѣ. Черезъ годъ приступили къ чтенію Часовника, затѣмъ Псалтири и, наконецъ, Дѣяній Апостольскихъ. Послѣ того стали царевича учить писать и закончили обученіемъ церковному пѣнію. Этимъ и заканчивалось образованіе въ древности, и къ 10 годамъ Алексѣй проинелъ все, что полагалось знать въ то время русскому человеку. Но при дворѣ Михаила Ѳеодоровича было уже много новыхъ обычаевъ, принесенныхъ съ Запада. Особенно ихъ любилъ дядька (воспитатель) царевича, бояринъ Морозовъ, человекъ умный и образованный. Поэтому въ дѣтствѣ у Алексѣя Михайловича было уже много инородныхъ вещей — игрушекъ, на примѣръ, конь, дѣтскія латы. Кромѣ того, для него купили въ овощномъ ряду за 3 алтына 4 деньги (около 1½ руб.) нѣмецкія картинки, по которымъ дядька разсказывалъ ему о многихъ предметахъ. Морозовъ настолько увлекался всѣмъ инороднымъ, что иногда одѣвалъ царевича въ нѣмецкое платье. Алексѣй Михайловичъ и по окончаніи своего ученія не покидалъ книгъ, въ 12 лѣтъ онъ имѣлъ по тому времени цѣлую библіотеку изъ 13 книгъ, среди которыхъ, помимо церковныхъ, были грамматика и космографія. На всю жизнь онъ сохранилъ любовь къ чтенію и сталъ человекомъ начитаннымъ и для своего времени очень образованнымъ. Любилъ онъ и писать, писалъ много: письма, историческія записки, сокольничьи уставы, писалъ даже вирши (стихами).

Женитьба. Въ 16 лѣтъ онъ остался сиротой и сдѣлался государемъ. Первымъ человекомъ теперь сталъ дядька его Морозовъ, къ которому молодой государь былъ привязанъ всѣмъ сердцемъ. Развлекая царя охотою и разными забавами, онъ правилъ государствомъ, думая только о томъ,

какъ бы подольше сохранить власть въ своихъ рукахъ. Пока никто не смѣлъ соперничать съ нимъ, но если бы государь женился, то новая родня могла бы отгнать Морозова и отнять у него власть. Царю, дѣйствительно, предстояло жениться, и черезъ два года по вступленіи на престолъ, въ Москву были собраны 200 дѣвицъ, изъ которыхъ государю для выбора были представлены только шесть. Онъ выбралъ дочь помѣщика Всеволожскаго и вручилъ ей по обычаю ширинку и кольцо. Ее взяли во дворецъ къ государевымъ сестрамъ, и въ назначенный день невѣста, одѣтая въ царскую одежду, съ вѣнцомъ на головѣ, уже нареченная царевною, предстала передъ женихомъ-государемъ, но, увидѣвъ его, отъ великаго страха и радости упала въ обморокъ. Произошло то же, что и при первомъ сватовствѣ его отца Михаила Θεодоровича. Бояре нашли, что невѣста непрочна для государевой радости, и ее вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь. Говорили, что это дѣло Морозова, что онъ приготовилъ для своего воспитанника другую невѣсту, родные которой были во всемъ ему послушны. Царь очень опечалился, нѣсколько дней ничего не ѣлъ и цѣлый годъ не хотѣлъ слышать о новой женитьбѣ. Однако Морозовъ не забывая своей мысли и устроилъ такъ, что царь увидѣлъ какъ-то въ церкви дочерей его пріятеля дворянина Милославскаго. Старшая, Марья Ильинична, понравилась, и царь въ скорости женился на ней. Черезъ 10 дней самъ Морозовъ, уже старикъ, женился на ея младшей сестрѣ, и, сдѣлавшись такимъ образомъ близкимъ родственникомъ государю, думалъ навсегда сохранить свое мѣсто и свое вліяніе. Но кара ждала его съ той стороны, откуда онъ не ожидалъ.

Соборное Уложеніе. Давно уже въ народѣ шло глухое недовольство его правленіемъ, жаловались на тяжелые налоги, въ особенности на соляную пошлину. На пудъ соли брали на наши деньги по 2 руб. 40 коп. пошлыны, соль вздорожала, вздорожала и соленая рыба. Соли стали покупать меньше, и казнѣ вмѣсто прибыли вышелъ убытокъ. Тогда налогъ отмѣнили въ знакъ милости по случаю царской свадьбы.

Прежде на Руси запрещалось продавать табакъ, и при царѣ Михаилѣ за употребленіе его рѣзали носы, а теперь сама казна стала продавать богомерзкую траву. Благочестивые люди негодовали, обвиняя Морозова въ пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ. Къ тому же много было лихоимства и неправды въ судахъ, гдѣ сидѣли пріятели вѣсильнаго боярина. До царя, однако, ропотъ народа не доходилъ, жалобъ къ нему не пропускали.

Въ 1648 году черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, когда царь ѣхалъ съ богомолья отъ Троицы, толпа народа остановила поѣздъ и подала царю жалобу на боярина Плещеева. Царь жалобу принялъ и обѣщалъ сдѣлать все, о чемъ просили. Но пріятели Плещеева въѣхали на коняхъ въ толпу и стали бить людей кнутами. Народъ тогда кинулся на обидчиковъ и слѣдомъ за ними подошелъ къ самому дворцу, требуя выдачи нелюбимыхъ бояръ, въ томъ числѣ Плещеева и Морозова, а другіе тѣмъ временемъ бросились на боярскіе дома и принялись ихъ грабить. Царь поспѣшилъ исполнить желаніе народа и приказалъ казнить нѣсколькихъ бояръ, на которыхъ были особенно сильны жалобы, но Морозова не выдалъ, а потихоньку выслалъ изъ Москвы въ далекій Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ и велѣлъ беречь его отъ всякой бѣды. Волненіе скоро успокоилось. Разъ какъ-то во время крестнаго хода царь на площади обратился къ народу съ рѣчью, въ которой обѣщалъ самъ строго смотрѣть за всѣмъ управленіемъ, но просилъ не требовать выдачи Морозова. «Вѣдь онъ второй отецъ намъ», говорилъ царь, «воспиталъ и возрастилъ насъ; мое сердце не вынесетъ этого», и при этихъ словахъ изъ глазъ царя покатались слезы. Растроганный народъ закричалъ: «Многія лѣта великому государю; да будетъ воля Божія и государева». Морозовъ былъ возвращенъ, прежняго мѣста не занялъ, но помогалъ царю своими совѣтами, стараясь въ то же время заслужить и народное расположеніе широкою помощью, которую всѣмъ оказывалъ.

На доброе сердце Алексея Михайловича все это происшествіе сильно подѣйствовало, и съ тѣхъ поръ онъ самъ сталъ смотрѣть за всѣми дѣлами, стараясь, насколько могъ,

улучшить управление. Чтобы укрѣпить правосудіе, царь вскорѣ послѣ этой смуты приказалъ нѣсколькимъ боярамъ и дьякамъ составить новый сборникъ законовъ. Съ той же цѣлью приказано было созвать земскій соборъ. Выборные земскіе люди разсмотрѣли новые законы и утвердили ихъ. Этотъ сборникъ законовъ сталъ называться *Соборнымъ Уложениемъ царя Алексѣя Михайловича*. Онъ представляетъ собою громадный свитокъ длиною въ 434 арш. По новымъ законамъ должны были теперь и суды судить и все дѣлать. Царь, котораго, за доброту и мягкій характеръ, знавшіе его люди называли Тишайшимъ, всей душой радѣлъ о благѣ народа и хотѣлъ помочь всѣмъ, кому было тяжело. Но времена были трудныя, государство все еще не могло оправиться отъ разоренія, которое потерпѣло въ Смутное время. Къ тому же и совѣтниковъ хорошихъ найти было трудно. Поэтому и въ царствованіе Алексѣя было много бѣдствій и народныхъ волненій.

Денежный бунтъ. Купцы московскіе и торговые люди жаловались на свое разореніе отъ англичанъ. Торгуя безоределинно, англичане забрали въ свои руки всю торговлю, жили въ разныхъ городахъ безвыѣздно и обходились безъ помощи русскіхъ купцовъ. Царь внялъ жалобѣ торговыхъ людей, англичанамъ приказалъ выѣхать изъ Россіи, разрѣшилъ для торга пріѣзжать только въ Архангельскъ и за товары велѣлъ платить пошлины. Иностранцы платили за наши товары серебромъ, а такъ какъ своего серебра тогда у насъ не было, то изъ привознаго иноземнаго серебра казна чеканила монету — маленькія копейки, деньги и полушки, которыя московскіе обыватели, остерегаясь воровъ, обыкновенно держали во рту за щеками. При царѣ Алексѣѣ впервые стали чеканить и крупныя монеты въ 25 коп. и въ 1 рубль. Съ запрещеніемъ беспошлинной торговли англичане стали ѣздить и покупать меньше. Въ казнѣ не стало серебра и нечѣмъ было платить жалованье ратнымъ людямъ, находившимся въ польскомъ походѣ. Тогда рѣшили начеканить мѣдной монеты величиной и вѣсомъ въ серебряную и съ тою же цѣной, какая была на серебряной. Цѣлыхъ два года новая мѣдная монета ходила наравнѣ съ се-

ребряной и вездѣ охотно принималась, но скоро мѣдныхъ денегъ оказалось слишкомъ много, цѣна на нихъ стала падать, за серебряный рубль стали давать два мѣдныхъ, а потомъ и цѣлыхъ 12. Оттого разорялись всѣ, кто получалъ отъ казны жалованье, въ особенности ратные люди. Зато разбогатѣли денежные мастера, каменныхъ палатъ себѣ понастроили, одѣвали женъ по-боярски, и вообще сорили деньгами. Обнаружилось, что мастера и купцы московскіе, приставленные къ денежному дѣлу, и сами бояре, завѣдывавшіе монетнымъ дворомъ, приносили свою мѣдь и изъ ней себѣ монету чеканили: принесли на нѣсколько копеекъ, а унесли монету на нѣсколько рублей.

Появилось много такихъ незаконныхъ, или, какъ тогда говорили, воровскихъ денегъ. Преступниковъ наказали, дома ихъ въ казну отобрали, но дѣла этимъ не поправили, а главное, бояре, виновные въ этомъ дѣлѣ, остались ненаказанными. Тогда пострадавшіе рѣшили отомстить боярамъ, избѣжавшимъ кары, и въ 1662 году расклеили по улицамъ грамоты съ именами измѣнниковъ. Собрались толпы народа и двинулись къ государю просить выдачи измѣнниковъ-бояръ.

Царь жилъ тогда въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Онъ былъ у обѣдни, когда, выглянувъ въ окно, увидалъ большую толпу народа передъ своимъ дворцомъ. Бояре попрятались, а царица съ царевичами и царевнами сидѣли въ терему, запершись, ни живы ни мертвы отъ страху. Государь, не дослушавъ обѣдни, долженъ былъ выйти къ толпѣ. Здѣсь одинъ изъ приходшихъ подалъ государю въ шапкѣ снятую со стѣны грамоту съ именами измѣнниковъ и сказалъ: «Изволь, государь, вычестъ письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привести передъ себя». Царь обѣщаль, дослушавъ обѣдню, тотчасъ поѣхать въ Москву и сыскать дѣло. Но мятежники сомнѣвались, держали государя за пуговицы и успокоились только тогда, когда царь, обѣщавшись Богомъ, ударилъ съ однимъ изъ нихъ по рукамъ.

Алексѣй Михайловичъ вернулся въ церковь, достоялъ обѣдню и уже садился на коня, чтобы ѣхать въ Москву, когда къ Коломенскому пришла новая толпа тысячъ въ семь

человѣкъ и подступила къ нему съ криками: «Выдай измѣнниковъ». Тутъ уже слова и обѣщанія не подѣйствовали, изъ толпы раздавались угрозы и иные даже размахивали палками. Тогда по приказу царя стрѣльцы и придворные бросились на мятежниковъ. Множество ихъ было перебито, много въ рѣкѣ потонуло, многихъ перехватили и главныхъ виновниковъ послѣ сыска казнили. Однако мѣдные деньги приказано было отмѣнить, и казна снова стала чеканить серебряную монету.

Степанъ Разинъ. Въ концѣ царствованія Алексея Михайловича государство было потрясено новымъ бунтомъ, бунтомъ донскаго казака Стеньки Разина. Тогда время было тяжелое. Крестьянская неволя, издавна устанавливавшаяся на Руси, тогда стала тяжелѣе, чѣмъ была прежде. По Соборному Уложенію крестьяне сдѣлались крѣпостными. Къ тому же Москва цѣлыхъ 13 лѣтъ воевала съ Польшей и Швеціей. Войны разорили государство, налоги стали непосильны. Служилые люди — помѣщики, сами обремененные службою, тянули съ своихъ крестьянъ. Многимъ не подъ силу становилось жить въ государствѣ и недовольные побрели старою, вольною, сиротскою дорогою на Донъ: кушцы и посадскіе люди, бѣглецы холопы и крестьяне шли толпами къ казакамъ въ привольныя степи Дона, откуда по обычаю ихъ уже не выдавали. На Дону хлѣбопашествомъ не занимались, но коренное домовитое крестьянство жило хорошо: оно несло государству службу въ походахъ и за то получало отъ великаго государя жалованье хлѣбомъ, виномъ, порохомъ, свинцомъ и одеждою. Новые пришельцы не участвовали въ этой получкѣ, хлѣбопашествомъ не смѣли заниматься (казаки не позволяли), оттого бѣдствовали, назывались голыю, голытбюю. Въ прежнее время изъ этой голытбы собирались отряды, выходили рѣкою Дономъ въ Азовское и Черное море и добывали себѣ зипуновъ, грабя татарскія и турецкія поселенія. Но теперь, пока московское правительство было занято войнами, турки настроили крѣпостей въ устьѣ Дона и загородили казакамъ выходъ въ море. Голытба все прибывала, и на Дону настало большое стѣсненіе и бѣдствіе. Царская грамота изъ Москвы из-

иѣнциала астраханскаго воеводу, что «во многіе донскіе городки пришли съ Украйны бѣглыѣ боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми, и оттого теперъ на Дону голодь большой; собираются тамъ многіе казаки и хотятъ итти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ».

Дѣйствительно, воровскія казацкія шайки стали пошалаивать на Волгѣ и въ другихъ мѣстахъ своей же русской земли. Ихъ ловили либо царскіе воеводы, либо по царскому приказу свое же казацкое начальство и наказывали, «чтобы инымъ не повадно было такъ воровать, на войско и на рѣку (Донъ) напрасное оглашенство наводитъ».

Въ 1667 году въ Москву пришло извѣстіе о смѣлыхъ грабежахъ шайки Стеньки Разина. Набравъ человекъ съ 1.000 голытьбы, Разинъ ушелъ съ Дона, переправился на Волгу и въ удобномъ мѣстѣ засѣлъ на ея берегу, ожидая добычи. Вотъ показался съ верху большой казенный караванъ судовъ, сопровождаемый стрѣльцами; везли казенный хлѣбъ, товары частныхъ лицъ, везли ссыльныхъ; караванъ плыль въ Астрахань. Казаки бросились на суда, отъ стрѣльцовъ сопротивленія не встрѣтили, начальниковъ схватили, пытали и повѣсили, ссыльныхъ расковали, стрѣльцовъ и работниковъ не тронули. Много богатства досталось въ руки казаковъ. Теперъ шайка Разина двинулась внизъ по рѣкѣ; уже на 35 стругахъ плыли казаки по Волгѣ, а слава объ ихъ удачѣ шла всюду впереди нихъ и смущала простыхъ людей. Во всѣхъ городахъ чернь была на сторонѣ казаковъ. На Дону собирались новыя шайки и шли на соединеніе къ Разину. Разинъ безъ помѣхи вышелъ въ Каспійское море и сталъ разорять персидскіе города. Цѣлый годъ гуляли казаки у персидскихъ береговъ, забирая суда и побивая войска и, наконецъ, обремененные добычей, должны были воротиться домой: больше дѣваться некуда. Въ августѣ 1669 года подплыли воровскіе люди съ своимъ атаманомъ Стенькой Разинымъ къ Астрахани и прислали выборныхъ къ царскому воеводѣ со словами: «Все войско бьетъ челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины рады великому государю служить и головами своими

платить, гдѣ великій государь укажетъ». Явился въ приказную избу къ воеводѣ и самъ Разинъ съ товарищами; казаки положили бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ персіянь, обѣщали и пушки отдать и служилыхъ людей отпустить, и просили помилованія. Воевода простилъ: казаковъ ему было не осилить, ратныхъ людей у него было мало, а на стрѣльцовъ и астраханскихъ жителей нельзя было полагаться. Въ Астрахани точно праздникъ насталь; началась гульба, казаки расхаживали по городу въ бархатныхъ и шелковыхъ кафтанахъ, въ шапкахъ, шитыхъ жемчугомъ и дорогими каменьями, сорили деньгами. Отъ самого атамана никому ни въ чемъ отказу не было, въ глазахъ простыхъ людей онъ превратился въ богатыря-чародѣя, котораго и пуля не беретъ, и народъ кланялся ему въ ноги и величалъ его батюшкой Степаномъ Тимошеевичемъ. Изъ Астрахани слава объ его удачѣ и щедрости пошла по всей Волгѣ и Дону, по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ. Когда онъ явился, наконецъ, на Донъ, то охотники до зипуновъ повалили къ нему со всѣхъ сторонъ, шла голытьба изъ донскихъ городовъ, шли гуляющіе люди съ Волги. Всѣхъ ихъ счастливый атаманъ принималъ, облаекивалъ и одаривалъ. Осенью около него было снова почти 3.000 человекъ. Домовитые казаки со своимъ атаманомъ Корпиломъ Яковлевымъ были безсилны. Разинскіе казаки хозяйничали на Дону и противниковъ, если такіе оказывались, бросали въ воду.

Недолго пробылъ на Дону Разинъ. Уже весной въ 1670 г. онъ снова пробрался на Волгу и подошелъ къ Царицыну. Горожане передались ему, а воевода съ десяткомъ стрѣльцовъ и тремя горожанами долго оборонялся въ башнѣ, наконецъ, былъ взятъ и брошенъ въ Волгу. Тутъ атаманъ послѣ пировъ и пооекъ объявилъ народу свой замыселъ итти противъ бояръ за государя, и скоро двинулся къ Астрахани. Воевода укрѣплялъ городъ при помощи иѣмца Бутлера, капитана перваго русскаго корабля «Орла», который былъ построенъ Алексѣемъ Михайловичемъ для Каспійскаго моря и стоялъ теперь въ Астрахани: пушки разставляли, караулы назначали, ворота кирпичомъ заложили. Митрополитъ Юсифъ обходилъ городъ крестнымъ ходомъ и

уговаривалъ жителей и ратныхъ людей послужить великому государю вѣрой и правдой, биться съ измѣнниками, обѣщая царскую милость живымъ и вѣчное блаженство падшимъ. Но все было напрасно: лишь только казаки сдѣлали первый приступъ, стрѣльцы и астраханцы впустили ихъ въ городъ и первые кинулись бить дворянъ, сотниковъ, боярскихъ людей и пушкарей. Всѣ, кто не присталъ къ казакамъ, искали спасенія въ соборной церкви, гдѣ несчастныхъ утѣшалъ митрополитъ. Церковь была взята. Пошла много дней кровавая потѣха. Казаки съ утра пьяные гуляютъ въ городѣ, забирая покинутыя богатства; атаманъ тоже пьяный сидитъ у митрополичьяго двора, поджавъ ноги по-турецки, и раздастъ приказы: тому голову отсѣчь, того въ ровъ кинуть, того въ воду, то вдругъ неожиданно милуетъ несчастнаго. Воеводу бросили въ ровъ, сына его мальчика повѣсили вверхъ ногами, подьячаго повѣсили за ребро на крюкъ; почти 500 человекъ похоронили въ одной только братской могилѣ. Астрахань стала казацкимъ городомъ, зашумѣлъ кругъ казацкій, появились атаманы, есаулы, сотники, десятники; всѣ присягнули за великаго государя стоять, атаману Степану Тимоѣевичу служить, измѣнниковъ изводить.

Погуляли казаки въ Астрахани, пора было уходить дальше. На 200 стругахъ поплыли они вверхъ по Волгѣ, 2.000 конницы шло по берегу; городъ за городомъ сдавались имъ почти безъ сопротивленія и получали казацкое устройство. А на судахъ шла прежняя гульба; атаманъ постоянно во хмелю, то гнѣвенъ, то милостивъ. Была у него, говорятъ, плѣнница, персидская княжна, захваченная имъ въ первый походъ, одѣвалъ онъ ее какъ царицу, въ золото и камни драгоценные. И вотъ какъ-то во хмелю атаманъ схватилъ ее на руки и бросилъ въ Волгу, приговаривая: «Ахъ, ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты мнѣ дала злата и серебра и всякаго добра, падѣлила меня честью и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ, на жъ тебѣ, возьми!» Между тѣмъ отъ Волги бунтъ расходился во всѣ стороны, въ ближайшихъ мѣстахъ вездѣ стали появляться воровскіе казаки съ *прелестными* листами,

въ которыхъ излагались заманчивыя обѣщанія; въ селахъ подымались крестьяне, истребляли помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, сходились въ шайки и грабили; поднялись инородцы — черемисы, чувашаи и мордва; появились и самозванцы: одинъ изъ казаковъ выдавалъ себя за царевича Алексѣя Алексѣевича, незадолго до того умершаго.

Трудно было московскому правительству справляться съ бунтомъ, войскъ въ этой мѣстности почти не было, собирать ратныхъ людей мудрено было. Наконецъ только подѣ Симбирскомъ удалось задержать полчища Разина. Воевода Иванъ Милославскій мужественно защищалъ городъ, а другой воевода князь Барятинскій, хотя и было у него только 1.500 ратныхъ людей, разбилъ подѣ Симбирскомъ Разина наголову. Самъ Разинъ былъ раненъ. Видя, что дѣло плохо, онъ обманулъ толпы людей, которые пристали къ нему со всѣхъ волжскихъ городовъ, приказалъ имъ стоять подѣ городомъ и дожидаться его, а самъ съ одними донцами побѣжалъ на Донъ. Онъ хотѣлъ поправить свои дѣла на Дону, но дѣло его уже пропало. Вѣсть о пораженіи казаковъ, о ранахъ самого Разина разрушила славу чародѣя. На родномъ Дону ему пришлось встрѣтить враговъ: домовитые казаки съ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ во главѣ осадили его въ одномъ городѣ и взяли. Разинъ былъ привезенъ въ Москву и тамъ преданъ казни. Постепенно царскіе воеводы привели къ покорности всю волновавшуюся страну. Одна Астрахань сопротивлялась долго. Тамъ нецтовствовали воровскіе казаки, подвергли пыткамъ мужественнаго митрополита Іосифа, не перестававшаго призывать ихъ къ покорности, и, наконецъ, сбросили его со стѣны. Скоро воевода Милославскій взялъ и Астрахань.